

УДК 13 + 17

Т. Д. Суходуб

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ И ПОЛОЖЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕ

Кризисные состояния общества определяют разделение «интеллектуального сообщества» на группы, несовпадающие по критериям, способам идентификации, осознаваемым задачам – «интеллектуаль», «элит а», «интеллигенция».

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуальлы, элит а.

Гражданское согласие как в контексте социально-политических отношений всё больше оценивается как одно из основополагающих условий стабильно развивающихся обществ. Достижение такого состояния составляет одну из важнейших задач «постсоветских» государств. В этом отношении пример Украины, перманентно переживающей «революционные ситуации», весьма показателен. На основе анализа некоторых проблемных ситуаций, характерных для страны, автор ставит перед собой задачу – обосновать незаменимость в современных общественных преобразованиях именно интеллигенции, интеллигентского типа самосознания (по сравнению с близкими к ней по положению такими интеллектуальными группами как «интеллектуальлы» и «элита»).

Пожалуй, важнейшей проблемой украинского общества является неразвитость политической культуры, а если конкретнее – культуры диалога, как опосредствующего субъекта политических отношений. Иные позиции и оценки событий, разнящиеся общественные идеалы, личностно-духовные приоритеты, политические расхождения – нормальное явление для демократической общественной системы. Ибо, что же такое гражданское общество как не объединение по-разному мыслящих, оценивающих и действующих граждан? Иное дело – общество полудемократическое. В таком обществе срабатывают и ещё долго будут срабатывать рецидивы, я бы сказала, «баррикадного сознания» – «кто не с нами, тот против нас».

В таких обстоятельствах становление культуры диалога как условие гражданского согласия остаётся неразрешимой задачей прежде всего через культивирование в обществе социальных мифологем, не предполагающих восприимчивость к инаковому, Другому, не ориентированных на позицию «третьей правды», когда предполагается, что добро и зло проходит не между людьми, а сквозь каждого человека. Демократия по сути – это и есть идеология «третьей правды», предполагающая самоценность личности как отдельной единицы. Именно отсюда вытекает необходимость существования в обществе с демократическими ценностями не только института прав человека, но и гражданского общества. Последнее может быть представлено самыми разными позициями и интересами, но в целом гражданское общество требует, чтобы к гражданам не относились как к недорослям, которые не понимают, что для них значимо, а что нет, что

хорошо, а что плохо. Пока же приходится наблюдать процесс «переделки» граждан на основе «новых» социальных мифов, выражающих идеологию новых политических сил и элит.

Безусловно, мифологическая компонента свойственна человеческому сознанию, но нельзя забывать, что это начало развития такого феномена как культ ура мышления, а не её вершина. В современном обществе эта способность к мифологическому восприятию мира, во-первых, прививается человеку прежде всего феноменом массового сознания, а, во-вторых, демонстрирует недоразвитость уровня проблемного, критического мышления. Одна из главных особенностей мифологического мышления – в том, что разум здесь вплетён в чувственность человека, эмоциональные его состояния – и этот факт, к сожалению, бывает весьма удобным для всякого рода работы с сознанием человека (не всегда, заметим, честной). Мифология создаёт ситуацию конфронтации в обществе, порождает ситуацию агрессивного, «крикливого» диктата, приглушая действенность права и других социальных институтов. Политизация мифа в полудемократических, по сути – клановых, обществах весьма опасна. Социальный миф переголковывает образы, предания, историю с позиций интересов, потребностей, целей определённых социальных групп, не только не пытаясь расколдовать мир от ложных, идеологических по своей сути, установок, а, напротив, усиливая иллюзии, навязываемые некритически ориентированному массовому сознанию.

В противовес этому подлинно демократическое общество не делит граждан на праведных (правых) и неправедных (неправых), а видит проблемы каждой из социальных групп и решает эти проблемы через гармонизацию взаимоотношений и диалог, помня, что в демократическом обществе государство является инструментом гражданского общества. Для того, чтобы диалог не просто декларированной ценностью, а и общественной традицией, исходными должны стать принципы толерантности, открытости, демократичности политических институтов.

Своеобразным проявлением уровня цивилизованности и демократичности общества является культ ура диалога, нацеленная на установление в отношениях гражданской активности и участников диалога и их реальной равноправности, внеидеологичности позиций и ориентацию прежде всего на нравственные критерии оценок, отсутствия заранее определённого „бюрократическим” разумом „результата” публичного общения и т.д., что является принципиально невозможным в условиях кланово-олигархического общества.

Культура диалога, „коммуникативный разум” призван стать основополагающим принципом построения демократических общественных институтов. Культура диалога – это прежде всего культура взаимодействия, а не действия (тем более властного уровня). Безусловно, имеются в виду не какие-то постановления как указания для подчинённых, то есть, бюрократические решения, приказы, наставления, инструкции, какими руководствоваться граждане. Речь идёт о другом – о культуре диалога, общественные основания восприятия ситуации другого и достижении обобщённой (компромиссной по сути) позиции как стратегического направления движения общества, опосредованно зафиксированного в общественной мысли на уровне СМИ, гуманитарных экспертиз, программ движений и партий, положений Конституции и, безусловно, научно-философских разработок. То есть, речь идёт о практике коммуникативных

взаимоотношений участников дискурса, которые обеспокоены общественным прогрессом, долей человеческой общности, видят „болевы́е точки” общественной жизни и стремятся публично промыслить проблемные ситуации, выработать исходные установки для их преодоления, согласовать действия (если происходит диалог между представителями разных политических или общественных организаций).

Речь идёт о специфическом политическом общении как основе для отработки актуальных для общества проблем. А разрешение такого рода проблем может быть только через сотрудничество разного рода институтов, начиная от государственных органов власти и заканчивая обществами, организациями гражданского общества, между которыми опосредствующим звеном выступают СМИ, общественные движения и политические партии. Это и есть именно та коммуникация, которая выстраивает демократический тип политического режима. Противоположным вариантом „решения” общественных проблем будет возрождение „средневековой” по сути гетерономной опеки гражданина, когда за него решают, прежде всего на основе неправовых законов, то есть вне интересов личности, что для неё есть целесообразным и значимым.

Непосредственно процесс диалогизации культуры (хотя, безусловно, тенденция имеет давнюю традицию) начался с утверждения „многоголосия” текста в границах культуры пост-модерна. Этот новейший дискурс требовал прежде всего, имея в виду культурную пограничность, отрицание всех форм монизма и унификации, возможность межкультурного общения и неслучайно детерминировал культурные переориентации, которые некоторыми учеными характеризуются как „коммуникативный поворот” в современной эпохе. Правда, продемонстрированная при этом постмодернистская безответственность за диалог, равнодушие, безучастность к разрешению проблемных ситуаций вызвала к жизни линию практически сориентированного коммуникативного философствования, что активно разрабатывается сейчас в современной немецкой философии. Это направление закрепляет понимание дискурса – не просто как диалога, совокупности высказываний, как акта коммуникации представителей разных социальных слоёв, но и как такого диалога, который имеет целью согласовать разнообразные позиции, выработать те конкретные перспективные шаги, которые бы удовлетворили гражданское общество, через их непротиворечивость сословным интересам и компромиссные уступки со стороны основных социальных групп. Возьмём во внимание то, что именно парадигма диалоговой коммуникации в XX столетии приобретает формы ведущей тенденции развития философии.

Становление культуры диалога требует особой позиции интеллигенции, выполнение особого порядка задач: мыслить проблемно, прежде всего с учетом всего спектра общественных интересов; осуществлять критику действительности с позиций культуры коммуникативной рациональности; прививать обществу культуру диалога, цивилизованного ведения дискуссий на принципах толерантности, ненасилия, восприимчивости к инаковому. От позиции интеллигенции зависит, какие ценности будут действовать в обществе: принципы монологизма или диалогизма; идеологизма или плюрализма; мифологического (архаизированного) или проблемного мышления. Эти оппозиции соответственно могут ориентировать страны, в частности Украину, на принципиально разные векторы социокультурного развития, но именно некоторые из этих ценностей позволяют осознать, что европейскость в нормах и принципах социального

бытия выстраивается изнутри как основополагающие условия общественной жизнедеятельности.

Однако сложность в решении этих вопросов связана с социально неопределённым и экономически трудным положением самой интеллигенции. Кризисные состояния общества провоцируют ситуации, связанные с разделением интеллектуального слоя на группы, несовпадающие по критериям, способам идентификации и осознаваемым задачам. Размежевание идёт даже по линии понятийного самоопределения – «интеллектуалы», «элита», «интеллигенция». Весьма распространённой на сегодня является позиция, согласно которой интеллигенция должна сойти с исторической арены, так как с установлением демократии исчезает противоречие между народом и властью, отпадает необходимость в защитной функции интеллигенции. Её место занимают интеллектуалы западноевропейского образца и элита. Думается, что такое толкование положения и специфики этих общностей требует уточнения. Кроме того, означенные феномены не взаимозаменяемы.

Если иметь в виду историю и современное состояние культуры, то не было, и нет общества, которое не имело бы такую составляющую как «интеллектуальное сообщество». Последнее представляет собой открытое, внутри себя трансформирующееся, выполняющее разнообразные функции (и прежде всего – культ уротивореческую) и включающее в себя такие специфические подгруппы как интеллектуалы, элита, духовная аристократия, интеллигенция и др. Другое дело, что каждое конкретное общество в зависимости от степени своего развития, ценностных оснований, ментальной специфики, культуры мышления и т.д. рождает доминирование определённой подгруппы. Интеллектуальное сообщество может быть принуждаемым (к примеру, к выполнению определённых идеологических функций), поощряемым (грантами, должностями), идеологически «искусственно» проектируемым (через, например, создание специфических условий формирования «программируемых» для выполнения определённых задач элит) или, условно говоря, «дикорастущим», определяемым личностным самосознанием.

Различение феноменов элиты, интеллектуалов и интеллигенции предполагает и различение данных понятий. Если элита – понятие, служащее показателем места в политической или социальной иерархии (элиты «постсоветских обществ» отличает момент совпадения оценочного и самоидентифицирующего аспектов); понятие «интеллектуал» фиксирует профессионализацию общественно-полезного труда, при этом интеллектуал вполне может быть апологетом политической силы, создателем того, что можно назвать «социальным лицемерием эпохи» (К. Маркс). Различение между такими группами «интеллектуального сообщества» как «элита», «интеллектуалы» и «интеллигенция» может быть осуществлено по многим признакам, но, по моему мнению, основополагающим является тот, что интеллигенцию можно выделить как тип личностного самосознания. Интеллигенция – не столько общность, сколько явление, самосознание, сочувствующее чужой боли, способ жизнедеятельности. Интеллигенция рождается на нерве общего переживания и понимания общественной ситуации, на основе сходных нравственных установок, ценностей, надежд.

Имеется несколько подходов к определению интеллигенции. Принцип нейтрального определения фиксирует внешние характеристики общественного положения этой части

граждан, специфику их труда и даётся, как правило, в справочных изданиях. Например, по В. Далю, интеллигенция – «образованная, умственно развитая часть жителей». Принцип негативного определения интеллигенции связан с идейно-политической или нравственной оценкой исторических усилий и общественных деяний определённой части интеллигенции. Именно на этом основании дано «веховское» определение Н. Бердяевым феномена «интеллигентщины» – как «кружковой», замкнутой в своих политических интересах и пристрастиях интеллигенции. Из этого же исходит и Г. Федотов в своём отождествлении интеллигенции с «духовным орденом», который отличает «идейность задач» и «беспочвенность идей».

Принцип позитивного понимания интеллигенции как специфического интеллектуального сообщества срабатывает при учёте черт собственно «интеллигентской» рефлексии, которые, к примеру, А.Ф. Лосевым связываются с ориентацией на «интересы общечеловеческого благоденствия», а В.И. Толстых – с «совестливым разумом».

Проведенное исследование показало, что среди традиционных искушений интеллигенции – романтической веры в спасительную силу «перестройки» несовершенного мира, «хождения в народ» или «во власть», служения идее или обществу, классу, нации и т.д. – в наше время приоритетное место занимает претензия интеллигенции на элитарность.

Первое серьёзное размежевание в интеллектуальной среде продемонстрировали «Вехи», видя выход из создавшегося в обществе типологического состояния стигматизации – в замене популярного в кругах интеллигенции героически-жесточкого и радикально-экстремистского пути служения обществу подвижнической деятельностью и индивидуальным культурным творчеством. Это была также попытка убедить «революционную интеллигенцию» в невозможности решения общественных задач только в границах политической сферы и радикального преобразования общества «до основания». Эта правда «Вех» остаётся актуальной и ныне.

Суходуб Т.Д. Интелігенція: проблема ідентифікації та положення в суспільстві

Кризові стани суспільства визначають поділ «інтелектуального співтовариства» на групи, які не співпадають за критеріями, способами ідентифікації, усвідомленими завданнями – «інтелектуали», «еліта», «інтелігенція».

Ключові слова: інтелектуальне співтовариство, інтелектуали, інтелігенція, еліта, ідентичність.

Sukhodub T. Intelligentsia: the problem of identity and social status

Social crises divide «intellectual community» into groups, which are different in criteria and means of identity as well as in aware goals - «intellectuals», «elite», «intelligentsia».

Keywords: intellectual community, intellectuals, elite, intelligentsia, identity.

Поступило в редакцию 26.05.2008